

К.КАУТСКИЙ И КАУТСКИАНСТВО В ОЦЕНКЕ
ЗАРУБЕЖНОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

/ К 140-летию со дня рождения К.Каутского /.

К.Каутский /1854-1938/ - один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала - прошел сложный, длинный и противоречивый путь развития. "Выдающийся социалист", "наибольший авторитет", "идейный вождь II Интернационала" - с одной стороны. С другой - "ренегат", "начетчик", "доктор буржуазии", "Иудушка Каутский", и даже "дурочок Каутский"¹. И первые и вторые определения К.Каутского взяты нами из одной и той же ленинской работы "Пролетарская революция и ренегат Каутский". Как бы подводя итог деятельности К.Каутского в германском и международном рабочем движении конца XIX-начала XX века, В.И.Ленин заключал: "Сидение между двух стульев - вечная судьба Каутского"².

Тем не менее как теоретик, и главным образом как популяризатор и интерпретатор марксизма, Каутский оказал большое влияние на интерпретацию и распространение марксизма не только в Германии, но и далеко за ее пределами. Ни один социалист перед первой мировой войной не мог сравниться с Каутским по количеству и тиражам издаваемых работ не только на немецком, но и на других языках. Особенно много / за пределами Германии / читали и переводили К.Каутского в России. Из 900 опубликованных его работ / включая и повторные издания / на иностранных языках, - около 200 приходится на русский язык /больше чем на другой какой-либо/³. В 1917 году В.И.Ленин писал: "В русской литературе переведено, несомненно, неизмеримо большее количество произведений Каутского, чем в Германии / в скобках сказать, в этой дутке vastly гораздо более глубокое историческое содержание, чем подозревают те, кто пустил ее в ход, именно: русские рабочие, предъявив в 1905 г. необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли так сказать, из молодую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны."⁴.

К. Каутский на протяжении 35 лет редактировал журнал "Die Neue Zeit", ставший первым марксистским теоретическим органом, на страницах которого выступали выдающиеся социалисты не только Германии, но и всего мира. Благодаря этому органу, многие сотни и тысячи пролетарских борцов приобщились к марксизму. К. Каутский был автором теоретической части Эрфуртской программы СДПГ, которая вплоть до первой мировой войны была образцом для партийных документов, других социал-демократических партий. Мы несколько не боимся сказать, — подчеркивал в свое время В. И. Ленин, — что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что хорошо, нет ничего дурного...⁵ Написанный К. Каутским комментарий к Эрфуртской программе был переведен на 18 европейских языков и стал своего рода катехизисом для целых поколений социалистов. Достаточно сказать, что до первой мировой войны только на русском языке вышло 8 изданий Эрфуртской программы К. Каутского⁶. А. И. Ульянова-Елизарова, старшая сестра В. И. Ленина, вспоминала: "В 90-е годы все мы благоговели перед немешкой социал-демократией... Произведения К. Каутского и А. Бебеля были нашими настольными книгами"⁷.

Естественно, что оценка роли и места К. Каутского в истории германского и международного рабочего движения последней четверти XIX — первой четверти XX в., особенно оценка его взглядов, была и остается на сегодня предметом острых разногласий среди представителей различных политических сил и направлений. Чем более расходились между собой ревизионное и реформистское течение в германском и международном рабочем движении конца XIX — начала XX в., тем ожесточеннее становилась борьба вокруг личности и идейного наследия К. Каутского. Своего апогея эта борьба достигла после Октябрьской революции, что и нашло свое отражение в уже выше упоминавшейся нами работе В. И. Ленина "Пролетарская революция и реванш Каутский".

В наши дни К. Каутский и каутскианство переживают на Западе второе рождение. Интерес со стороны историков, политологов, экономистов к личности и идейному наследию К. Каутского постоянно возрастает. Одна за другой выходят в Англии, Германии, Италии, США, Финляндии, Польше и других странах монографии, посвященные его жизни и деятельности в германском и международном рабочем движении. В них намечаются некоторые новые подходы к оценке деятельности и взглядов ведущего теоретика II Интернационала.

Итак, становится все более очевидным, что необходимо подвести определенные итоги уже сделанному исторической наукой с тем, чтобы начать новый, более углубленный этап в изучении жизни и деятельности, и особенно идейного наследия, К. Каутского. Но простыми словами историкам.

Историография вопроса.

Работы 20-30-х гг. о К. Каутском и каутскианстве.

Как ни удивительно, специальных научных работ, посвященных К. Каутскому, на этот период приходится не так уж и много. Библиография В. Бламенберга работ К. Каутского и литературы о нем свидетельствует о том, что больше всего о К. Каутском в 20-30-е годы написано статей, да и те приурочивались чаще всего к датам его рождения, особенно к его 70-летию. В этих статьях ученые и политические приверженцы Каутского восхваляли своего учителя и единомысленника как выдающегося социалиста, марксиста и революционера⁸.

С позиций тогдашнего марксизма одним из первых, кто дал всестороннюю характеристику К. Каутскому, был В. И. Ленин. "К. Каутский до войны 1914-1916 гг. был марксистом, — писал В. И. Ленин, — и целый ряд его важнейших сочинений и заявлений навсегда останутся образцом марксизма"¹⁰. Даже после Октябрьской революции В. И. Ленин подчеркивал: "Мы знаем из многих работ Каутского, что он умел быть марксистским историком, что также его работы останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее реваншство"¹¹. В то же время В. И. Ленин отмечал также его отрицательные качества, с позиций революционного марксизма, как нерешительность и непоследовательность в кризисных ситуациях, кабинетная замкнутость и отрыванность от практики, от живого революционного действия, особенность его мышления, склонного к дилетантизму. "Нельзя забывать, — писал Ленин, — что Каутский знает Маркса почти наизусть, что, судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных личинок, в которых все написанное Марксом распределено фигуративнейшим образом", и все же он "начетчик", склонный к подмене диалектики эклектизмом и "софистикой"¹².

В. И. Ленин первый в марксистской историографии наметил и основные этапы эволюции взглядов К. Каутского. В 1916 году он писал: "Просто не забывать, что К. Каутский до 1909 г., до его прекрасной

брошюры "Путь к власти" был врагом оппортунизма, к защите которого он повернул лишь в 1910-1911 гг., а решительнее всего в 1914 - 1916 гг.¹³ В 1917 г. в работе "Государство и революция" В.И. Ленин еще более уточняет этапы эволюции взглядов Каутского. "Германская социал-демократия в лице Каутского, - писал Ленин, - как бы заявляла: я остаюсь при своих революционных воззрениях /1899г./ Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата /1902 г./ Я признаю наступление новой эры революции /1909 г./ Но я все-таки иду назад против того, что говорил Маркс уже в 1852 году, раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству /1912 г./"¹⁴.

Наконец, в 1918 г. В.И. Ленин пишет свой полемический труд "Пролетарская революция и ренегат Каутский", который на многие десятилетия становится альфой и омегой марксистско-ленинской историографии при оценке Каутского. Насколько сильным было это влияние, показывает тот факт, что первая советская работа о Каутском, ставившая своей целью разобраться как в сильных, так и в слабых сторонах воззрений Каутского, появилась только в 1932 г./ да и то была написана философом и касалась главным образом философско-этических проблем.¹⁵ Основная масса советской литературы о Каутском посвящена не столько ему, сколько каутскианству, то есть критике его взглядов.

Особенно четко это прослеживается в советской литературе 20-30-х годов. Советские авторы /П.Г. Адамия, И.М. Альтер, Э. Лейкин, Ф. Месин, М. Миронов, И.О. Разумовский, А. Сарджавян и др./¹⁶, главное внимание в своих работах о Каутском уделяли критике его ошибок. Положительные стороны его деятельности, как правило, во внимание не брались. Такое размещение акцентов в работах выше названных авторов в известной мере объяснялось тем, что слишком еще свежим в памяти были поражения революционного пролетариата в Германии и других странах, вину за которые революционные силы возлагали исключительно на Каутского и реформистов. Нужно было время, известная историческая дистанция, с высоты которой можно было более спокойно посмотреть на прошедшие события, дать им более объективную оценку.

Правда, в советской исторической литературе 20-30-х годов иногда высказывались и другие мнения о Каутском и каутскианстве. Так, И.М. Альтер в одной из статей определял центризм как урезанный, смягченный, находящийся под влиянием оппортунистических идей марк-

сизм¹⁷. В ходе известной дискуссии о германской социал-демократии 1930 г. многие ее участники придерживались мнения, что центризм - это разновидность марксизма относительно "мирного" периода развития капитализма, марксизм эпохи II Интернационала¹⁸. После установления фашистской диктатуры в Германии советские историки усилили критику германской социал-демократии, в т.ч. и К. Каутского. Большой вред исторической науке нанес сталинский тезис о том, что социал-демократия - это тот же "социал-фашизм". Допускались другие ошибки, в частности отрицалась возможность победы революции мирным путем.

Что касается буржуазной и социал-реформистской историографии, то в 20-30-е годы она мало интересовалась Каутским и каутскианством. Видимо неизвестный автор социал-демократического австрийского журнала "Der sozialistische Kampf" был недалек от истины, когда в небольшой заметке-некрологе на смерть Каутского в 1938 г. утверждал: "Мало есть людей, которые значили бы так много для одного поколения и так мало - для следующего"¹⁹.

Правда, следует сказать, что в 20-30-е годы К. Каутского подвергли критике различные псевдорадикалы. Особенно сильным было это направление в Германии в период Веймарской республики. Так, бывший марксист К. Корн еще в 20-е годы выступил с нападками на Ленина за то, что тот назвал Каутского "ренегатом". Рассматривая взгляды К. Каутского статично, в полном отрыве от конкретно-исторических условий, К. Корн называл их псевдомарксистскими, так как они, по его мнению, базировались по существу на дарвинизме²⁰. Каутский, по мнению К. Корна, никогда не был марксистом, а значит не мог быть и "ренегатом".

Последователи К. Корна пошли еще дальше. К. Брокшидт и А. Розенбергер перенесли положения Корна о псевдомарксизме Каутского и на германскую социал-демократию. Они одни из первых начали утверждать, что СДПГ никогда не носила революционного характера, а каутскианство как псевдорадикальная идеология нужна была ей только для того, чтобы не срываться с буржуазными и мелкобуржуазными элементами²¹.

2. Буржуазная и социал-реформистская историография о К.Каутском и каутскианстве в 50-80-е годы

В западногерманской исторической литературе и по сегодня почти нет специальных работ, посвященных К.Каутскому. Зато в общих работах по истории Германской социал-демократии имя Каутского повторяется весьма часто. Это и понятно. Вся сознательная жизнь К.Каутского была неразрывно связана с историей СДПГ. Вот почему говорить об истории СДПГ и не говорить о ее официальном теоретике — просто невозможно. Авторы таких общих работ по истории германского рабочего движения и его партии / имея их отношение к К.Каутскому / можно было бы разделить на следующие две большие группы.

Первая исходит из того, что официальная идеология германской социал-демократии до первой мировой войны, решающее влияние на которую оказывал К.Каутский, грешила догматизмом и затрудняла "врастание" рабочего класса в буржуазное общество и его эмансипацию на мировой основе. Разрыв между вильгельмовской монархией и представителями буржуазной демократии — с одной стороны, с рабочим движением — с другой не был ликвидирован вплоть до 1914 г. Все это замедляло развитие Германии в направлении к буржуазной демократии²².

Второе направление критики К.Каутского в буржуазной и социал-реформистской историографии уходит своими корнями к работам К.Корша и его последователей²³. Идея К.Корша получила второе дыхание в западногерманской историографии особенно после того, как в 1957 г. вышла в свет работа Э.Маттуса "Каутский и каутскианство. Функция идеологии в германской социал-демократии перед первой мировой войной"²⁴. По существу это единственная, не считая статьи Г.Бриля²⁵, специальная работа в западногерманской историографии, посвященная непосредственно К.Каутскому.

Э.Маттус не только возрождает в своей работе концепции К.Корша и его последователей, но и возводит их в абсолют. Он уже без всяких оговорок объявляет воззрения Каутского социал-дарвинистскими, эволюционными, в корне отличными от взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса. По его терминологии, СДПГ, благодаря теоретической деятельности К.Каутского, получила "денатурированный марксизм", в основе которого лежала идея не революционного, а эволюционного развития.

По существу, это был "синтез просветительских либеральных верований" и "социал-дарвинизма"²⁶. Э.Маттус фактически ставит знак равенства между Каутским и Берштейном, когда заявляет, что "оба они восприняли марксизм в границах их либерально-демократических политических воззрений и на основе эволюционной картины мира", т.е. в "ревидированной форме"²⁷. Отсюда делается вывод, что и разногласия между революционными силами партии и ревизионистами не носили столь глубокого и принципиального характера, как это было принято считать. В своей эволюционной интерпретации идейного наследия К.Каутского Э.Маттус идет настолько далеко, что объявляет каутскианскую интерпретацию марксизма "идеологией интеграции" / Integrations-ideologie. По Маттусу, именно К.Каутский был отцом столь распространенной на Западе теории "интеграции".

В 60-80-е годы подобный взгляд на Каутского и каутскианство получил особенно широкое распространение в буржуазной и социал-реформистской историографии. В многочисленных публикациях по истории германской социал-демократии настойчиво проводится тезис о якобы всегда существовавшем в этой партии разрыве между реформистской тактикой и революционной фразеологией. Для доказательства этого тезиса многие буржуазные и социал-реформистские авторы сослались на Эрфуртскую партийную программу, автором теоретической части которой был К.Каутский, а практической — Э.Берштейн. В то время как "аутентичная часть этой программы была выдержана в строго ортодоксальном духе Маркса", — пишет Х.Гребинг, — ее практическая часть "содержала в себе социал-реформистские требования, которые предусматривали признание существовавшего государства как исходной базы для улучшения жизни и трудовых отношений рабочих"²⁸. Отсюда Х.Гребинг заключает: "Так была признана и узаконена реформистская практика партии, но одновременно ей была дана революционная интерпретация в соответствии с учением международного социализма"²⁹. С некоторыми видоизменениями и модификациями это положение повторяется в работах и других западногерманских авторов.

Профессор социологии в Надеборне А.Клензе считает, что большинство членов СДПГ задолго до первой мировой войны состояло "из практических ревизионистов, если даже они и отвергали программный ревизионизм", а теория Каутского была "на самом деле интеграционистской идеологией"³⁰. Г.Лотгоф, автор первого тома "Малой истории

СДПГ", которая рекомендуется Правлением германской социал-демократии в качестве учебного пособия для младшего поколения членов партии, тоже считает идеологию СДПГ конца XIX-начала XX в. "интеграционистской" и заявляет, что главная задача, стоявшая тогда перед руководством партии, заключалась в том, как увязать "практическую реформистскую деятельность с вульгарно-марксистской теорией"³¹ Об "интеграционистской идеологии каутскианства" пишет и германский буржуазный историк Г.-У. Велер³².

Несколько иную концепцию развивает известный историк реформистского толка Г.-И. Штейнберг. Он оспаривает тезис тех историков, которые ставят знак равенства между "каутскианством" и "интеграционистской идеологией". Ссылаясь на многочисленные высказывания К. Каутского, этот историк доказывает, что Каутский был марксистом, хотя его марксизм и носил "денатурированный характер". Он даже отмечает выдающуюся роль К. Каутского в пропаганде марксизма в германском и международном рабочем движении, но считает, что марксизм не был доминирующим во II Интернационале.

Ближе к "интеграционистской идеологии" в СДПГ, по Штейнбергу, был Э. Бернштейн. Что же касается К. Каутского, то тот начал пропаганду "интеграционистской идеологии" не раньше своего перехода на центристские позиции. Общий вывод Г.-И. Штейнберга таков: "Реализмизм в германской социал-демократии вообще можно понять только как реакцию на вульгарно-марксистские догмы и расхождения между радикально-революционной фразеологией партии и ее реформистской практикой"³³.

В отличие от Э. Маттуса и Г.-И. Штейнберга, В. Хольцхойер приписывает К. Каутскому роль не столько "интеграциониста" в германском рабочем движении, сколько "раскольника", поскольку тот, борясь с Г. Фольмером и Э. Бернштейном, готов был пожертвовать даже единством партии³⁴.

Как видим, несмотря на определенные нюансы и разночтения, западногерманская буржуазная и социал-реформистская историография в целом дает эволюционистскую интерпретацию идейного наследия К. Каутского. Это и понятно. Стремясь создать законченную картину неревolutionного, бесклассового характера германского рабочего движения от его истоков до наших дней, она подгоняет под доктрину "интеграции" и деятельность ведущего теоретика СДПГ и II Интернацио-

нала - К. Каутского.

Следует сказать, что с конца 70-начала 80-х годов в эволюционистском направлении интерпретации идейного наследия К. Каутского / в оно ныне господствующее в западной буржуазной и социал-реформистской историографии / начинает просвечиваться еще одно течение. Его сущность сводится к тому, чтобы выдвинуть каутскианство в качестве альтернативы ленинизму, снять с Каутского вину за окончательный отход от марксизма после 1909 г. и провозгласить теоретическое наследие Каутского, естественно в эволюционно-реформистской интерпретации, "марксизмом XX века". Родоначальником данного течения явился профессор Туринского университета /Италия/ Массимо Сальвадори. В работе о К. Каутском, переведенной и изданной и в Германии, он один из первых начал утверждать, что обвинение К. Каутского в отходе от марксизма, его "предательство" не соответствует действительности. К. Каутский никого и ничего не предавал. Он просто разработал марксизм в одном направлении, в духе "демократического социализма", а В.И. Ленин и Р. Люксембург - в другом, в духе "революционного терроризма"³⁵.

Сальвадори интерпретирует понятие "необходимость" в произведениях К. Каутского, в т.ч. и в Эрфуртской программе, только как мирное преодоление противоречия капиталистического развития. "Он был убежден в том, - пишет о К. Каутском итальянский историк, - что капиталистический процесс и его растущие противоречия приведут с естественной необходимостью к социализму"³⁶. В этих условиях задача социал-демократии заключалась в том, чтобы "в рамках демократического парламентского государства" осуществить "мирным путем вердикт истории", т.е. перейти от капитализма к социализму. "Социал-демократии, - цитирует Сальвадори высказывание К. Каутского из "Социал-демократического катехизиса" /1893 г./ - является революционной, но не революцию делавшей партией"³⁷.

Так выглядит концепция "демократического социализма" К. Каутского в изображении итальянского историка. В ней нет места для революции и революционных форм и методов борьбы. Некоторую "радикализацию" взглядов К. Каутского Сальвадори признает только в период российской революции 1905-1907 гг., но даже в этот период К. Каутский признавал революционные формы борьбы только для России, которой еще необходимо было пережить этап буржуазно-демократических преобразований, но не для Западной Европы, которая уже пережила его³⁸.

Если К.Корн и его последователи снимали с К.Каутского обвинение в "ренегатстве" и "отступничестве от марксизма" на том основании, что тот марксистом-де вообще никогда и не был, то Сальвадори делает то же самое, но с позиций не за интерпретированного марксизма. Более того, он объявляет К.Каутского убежденным защитником марксизма и социализма и после 1918 г., хотя тот и возглавил "поход против большевизма". Автор считает, что в борьбе с большевизмом К.Каутский был подготовлен всем ходом развития своих идей на принципах и задачи демократического социализма. "Если К.Каутский и говорил о "диктатуре пролетариата", - пишет Сальвадори, - то связывал ее эту диктатуру непосредственно с таким революционным процессом, который был в действительности совершенно другим, чем тот, который реализовали большевики"³⁹. Проблему власти К.Каутский, в отличие от Ленина, рассматривал через призму зрелости не только экономических условий, но и зрелости пролетариата. Это вообще "главная проблема современного социализма". Она сводится к тому, "какой степени зрелости должен достичь пролетариат, чтобы преодолеть классовую ограниченность буржуазной политической демократии"⁴⁰.

Не исключено, что в новых исторических условиях, связанных с тотальным пересмотром теоретических доктрин прошлого, новая интерпретация теоретического наследия Карла Каутского, предложенная итальянским профессором Сальвадори, будет находить себе новых приверженцев, и не только на Западе.

Попутно заметим, что концепция "взростания", "интеграции" рабочего движения в буржуазное общество все активнее берется на вооружение буржуазными и социал-реформистскими историками не только Западной Европы, но и США. Так, например, американский историк К.Д. Порске, автор монографии "Большой раскол. Германская социал-демократия с 1905 по 1917 год", тоже исходит из знакомого уже нам тезиса о постоянном противоречии между теорией и практикой в СДПГ. Он считает, что "теоретический базис для реформизма был заключен уже в Эрфуртской программе"⁴¹, а Каутский как теоретик только то и делал, что постоянно стремился "к примирению антагонистических тенденций в СДПГ с помощью теории"⁴¹.

В то же время в американской историографии есть и близкие к марксистскому интерпретации К.Каутского и каутскианства. Достаточно здесь сослаться хотя бы на монографию Г.П.Стинсона о Каутском⁴².

Но автор исходит из положения, что и "сохранив" характер Каутского и его теории остались непонятными и искажены не только врагами, но и друзьями. Отношение к нему большинства историков и политологов не было ни правильным, ни беспристрастным⁴³. К этому положению Г.П.Стинсона мы еще вернемся в конце статьи.

По мнению американского историка, К.Каутский был лишь популяризатором Маркса, но не его основателем⁴⁴. Тем не менее Стинсон решительно выступает как противник нигилистических нападок на Каутского "слева", так и против его интерпретаторов справа, со стороны буржуазных и социал-демократических историков. Он подчеркивает, что в империальной Германии не было ни малейших условий для успешной реформистской политики в интересах рабочего класса, поэтому практика реформистов во главе с Э.Бернштейном прийти к социализму мирным путем выглядела более чем наивно⁴⁵. Стинсон отмечает марксистский характер воззрений К.Каутского в период слора с реформизмом и считает, что его точка зрения в большей степени соответствовала интересам рабочего движения Германии, чем точка зрения Э.Бернштейна. Не случайно книга Г.П.Стинсона встретила весьма сдержанную оценку со стороны такой "интеграционистки", которой является западногерманская исследовательница реформистского толка С.Миллер⁴⁶.

3. Марксистско-ленинская историография 50-80-х годов о К.Каутском и каутскианстве.

Что касается марксистско-ленинской историографии, то в последние годы, особенно с середины 50-х годов, ее представители занялись более углубленным и всесторонним изучением истории германского рабочего движения нового и новейшего времени с позиций революционного марксизма. Появился целый ряд обстоятельных исследований по истории германской социал-демократии конца XIX- начал XX в. Исследова эволюцию развития СДПГ, историки-германисты не могли касаться и ее взглядов ее теоретика - К.Каутского. Появились и специальные исследования, посвященные К.Каутскому и каутскианству. Прежде всего рассмотрим наиболее важные работы советских историков, касавшиеся данной проблематики.

Начнем с общих работ. Значительное внимание К.Каутскому, эволюции его взглядов, оценке роли и места Каутского в истории германского рабочего движения, да и международного, периода II Интер-

национала уделено в обобщающем труде "Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории". В частности, во 2-м томе дается положительная оценка его деятельности в 80-90-е годы XIX в. как теоретика и историка германской и международной социал-демократии. "Немалый вклад в развитие марксистской теории в эти годы сделал К.Каутский, находившимся под непосредственным влиянием Ф.Энгельса, говорится там. - В многочисленных статьях и брошюрах Каутский заимчив и развивал некоторые положения марксистской теории, решительно опровергал ее противников. Большое значение имеет в частности его работа "Эрфуртская программа", в которой он подробно охарактеризовал значение марксизма для рабочего движения. Исторические работы К.Каутского, особенно по истории социальных движений в средние века и социалистической мысли сыграли тогда важную роль в развитии марксистской исторической науки"⁴⁷.

Если положительная оценка К.Каутского, как мы видим, весьма и весьма ограничена как во времени, так и тематически, то список его ошибок и преувеличений более обширен. Так, во 2-м томе его авторы отмечают непоследовательность Каутского в борьбе против ревизионизма в СДПГ: "Теоретик партии Каутский доказывал, что ревизионизм имеет право на существование, ибо в СДПГ должна происходить "борьба мнений..."⁴⁸. Отмечается его соглашательская политика в отношении "казуса Миллера" ⁴⁹, его непоследовательная точка зрения по национально-колониальному вопросу⁵⁰. В третьем томе, посвященном истории международного рабочего движения начала XX в., констатируется, что К.Каутский не понимал значения вооруженного восстания⁵¹, что после поражения российской революции 1905-1907 гг. он стал неустойчивым сторонником революционной политики и непоследовательным противником ревизионизма в политике и идеологии⁵², что в эти годы он стал совершать "эволюцию к прикрытому оппортунизму-центризму", хотя и "выступал еще против ревизионистов"⁵³.

Каутский и ряд других деятелей социал-демократии, считавших себя марксистами, "недооценивали глубину и серьезность противоречий новой фазы капитализма", "не понимали органической связи новых социальных и политических явлений с их экономической основой, надеялись на возможность неимпериалистической политики при господстве монополий, не видели обострения коренных противоречий капитализма"⁵⁴.

Отступая от марксизма, Каутский ошибочно считал, что "лишь при условии процесса пролетаризации крестьянство станет союзником пролетариата". Он сползал на путь оппортунизма в организационных вопросах и "пытался доказать законность существования в рядах партии "социалистов", чем объективно способствовал "усилению оппортунистов" в СДПГ"⁵⁵. Каутский становится "типичным выразителем центристской линии", а после публикации книги "Путь к власти" все больше переходит на позиции оппортунизма⁵⁶. Авторы тома подчеркивают: "Окончательный переход Каутского и его последователей на позиции центризма восстаем от их взглядов на империализм"⁵⁷.

Мы не случайно начали рассмотрение работ советских авторов о К.Каутском последних двух с половиной десятилетий с обобщающего труда "Международное рабочее движение": по существу он в значительной степени вообрал в себя результаты работы большой группы советских историков, философов и экономистов, занимавшихся изучением теоретической и политической деятельности "идейного вождя II Интернационала". Из выше изложенного не трудно также заметить, что теоретической, методологической основой советской исторической науки о Каутском, как и раньше, оставалась ленинская работа "Пролетарская революция и ренегат Каутский": жизнь и деятельность К.Каутского четко подразделяются на два периода - марксистский и оппортунистический.

В связи с этим и работы советских авторов, посвященные Каутскому, можно было бы условно разбить на две большие группы: I. исследования, посвященные марксистскому периоду жизни и деятельности К.Каутского; II. исследования, посвященные К.Каутскому-центристу, характеристика центризма как идеологии, ее роли и места в германском и международном рабочем движении.

Позиция К.Каутского в начальный период борьбы с ревизионизмом проанализирована В.А.Айзениным⁵⁸. В противовес немарксистской историографии, автор подчеркивает, что и в конце XIX в. СДПГ в целом занимала "революционные, марксистские позиции"⁵⁹. Это касается и К.Каутского, хотя в начальный период борьбы с ревизионизмом он занял позицию "потворства ревизионистским выступлениям Берштейна" и "уступая давлению партийных масс... вынужден был открыть "для себя путь к..." для полемики против Берштейна"⁶⁰. Да и вся эта критика ревизионизма, имевшая несомненно большое значение "для укрепления позиций революционных марксистов в борьбе против

ревизионизма", тем не менее " с самого начала носила печать непо-
следовательности и ограниченности"61.

Этой же проблематике касается в своей монографии и Н.Е.Овчарен-
ко. Имея в виду борьбу марксизма против ревизионизма на рубеже
двух веков, он подчеркивает: "Немалый вклад теоретическую борьбу
с ревизионизмом, в отстаивании воззрений марксизма в этот период
нес К.Каутский", хотя он "от начала и до конца проявлял полити-
ческую беспринципность в борьбе против ревизионизма"62.

Специальную главу Н.Е.Овчаренко посвятил вопросу о соотношении
теории и исторической практики в мировоззрении К.Каутского, так
как именно такая постановка вопроса, по мнению автора, дает воз-
можность оценить его "реальную роль в социалистическом движении".
Н.Е.Овчаренко детально анализирует эволюцию идейно-политических
воззрений Каутского в связи с поставленной проблемой. Он считает,
что формирование центризма, главой которого в конечном итоге и
стал К.Каутский, прошло два основных этапа. Первый - 1899-1909 гг.
В этот период у Каутского зарождается "элементы разрыва между тео-
рией и практикой, выражавшиеся в том, что оставаясь по преимущест-
ву марксистом в теории, он все чаще и чаще допускал элементы поло-
винчатости, беспринципного согласительства, уступок, которые поз-
воляли складываться в систему центристской политики". К этому периоду от-
носится "все лучшее, что было создано К.Каутским как марксистом"63.

Второй этап начинается с 1910 года и продолжается в годы пер-
вой мировой войны. "С этого времени, - пишет автор, - Каутский как
теоретик-марксист окончательно исчезает"64. Думается, что такая
периодизация центризма весьма условна. Напомним, что в свое время
еще И.Альтер предлагал начинать периодизацию центризма с 1899 г.,
а то и с 80-х годов XIX в.65, но эта точка зрения не была поддер-
жана советскими историками. Весьма категоричен и вывод автора о
том, что с 1910 г. Каутский как теоретик-марксист "окончательно
исчезает". По крайней мере было бы ошибочно считать, что все напи-
санные Каутским в области теории после 1910 г. обязательно носят
антимарксистский характер.

Эволюция взглядов К.Каутского по таким важнейшим для германс-
кого и международного рабочего движения, как борьба против импери-
ализма и войны в 1907-1914 гг. детально рассмотрел Б.А.Анзин66.
"Воззрения Каутского по проблемам империализма, как и все его те-

оретические и политические взгляды в целом, - пишет автор, - претерпе-
ли эволюцию. Начав с воззрений ревизионистом, с отстаивания неко-
торых верных оценок современного капитализма /хотя и в этих оцен-
ках Каутский не поднимался до последовательного, творческого марк-
сизма/, он пришел в конце концов к вполне реформистским выводам, к
ретушеванию глубочайших язв и противоречий империализма, к пропо-
скам примирения с ним. Автор считает, что коренный порок методоло-
гии Каутского при оценке империализма состоял в том, что он отри-
цал политику новейшего капитализма "от его монополистической осно-
вы, усматривая именно в этой политике главное содержание импери-
ализма". В понимании Каутского империализм - не закономерная сту-
пень или фаза в развитии экономики капитализма, а "случайное откло-
нение от нормальной его эволюции"67.

Эти в корне неверные взгляды Каутского на империализм, счита-
ет Б.А.Анзин, "по существу определяли в предвоенные годы весь со-
циальный курс партии как во внутренней, так и во внешней политике
и служили идейной основой сближения центристского партийного руко-
водства с ревизионистским крылом в их совместной борьбе против ле-
вого радикализма". Кроме того, К.Каутский ориентировал рабочий
класс и его партию "прежде всего на проблему парламентаризма и пар-
ламентской деятельности, которым придавал преувеличенное значение
главного, решающего средства пролетарской борьбы"68.

Что касается взглядов Каутского по вопросам внешней политики
и колониализма в эпоху империализма, то и здесь теоретик СДПГ и II
Интернационала, считает историк, допускал немало ошибок. Так, он до-
пускал возможность в условиях империализма "культурной", "мирной" коло-
ниальной политики, которая несла бы "миром заморских земель выс-
шую цивилизацию и благосостояние"69. Он выхоланивал "революционное
содержание пролетарского интернационализма"70. К.Каутский, руково-
дство СДПГ усиленно предостерегали от выработки "согласованной, обя-
зательной для всех, антивоенной политики и тактики". Они "не хоте-
ли связывать себя определенной политической линией, обязательством
применить в случае необходимости революционные антивоенные средст-
ва"71 и "развивали пацифистскую программу мира"72. А все это вместе
привело к тому, что теоретические воззрения К.Каутского не
могли "служить руководством для подлинно революционного действия
против империализма, для борьбы против заражения пролетарской пар-
тии реформистскими, оппортунистическими идеями и теориями"73.

Б.А. Айзину принадлежит и статья "Конфликт Каутского с Правлением СДПГ в 1909 г./К истории издания брошюры "Путь к власти"/"⁷⁴. В ней автор воссоздает историю публикации одного из лучших революционных произведений теоретика СДПГ - "Путь к власти". "Брошюра К.Каутского "Путь к власти", - констатирует автор, - была последней его работой, направленной против ревизионизма"⁷⁵.

Эволюция социально-политических и философских воззрений К.Каутского в целом посвящена монография С.М.Брайовича, которую мы уже упоминали. Автор дает краткий очерк жизни и деятельности К.Каутского, а затем рассматривает его философские, этические, социально-политические взгляды, дает оценку К.Каутскому как историку общественной мысли.

С.М.Брайович считает, что в теоретической деятельности К.Каутского и его отношении к марксизму отчетливо вырисовывается три периода: с середины 70-х до начала 80-х годов /домарксистский период/; с начала 80-х годов до 1910 г./марксистский период/; с 1910 г. до конца его жизни /постмарксистский период/⁷⁶. Автор подчеркивает, что эта периодизация весьма условна, так как К.Каутский не был свободен от ошибок даже в лучший, марксистский период своей деятельности.

Относительно общей оценки К.Каутского как теоретика-марксиста, то она в общем и целом у С.М.Брайовича та же, что и у других советских историков. Автор отмечает как положительные, так и отрицательные стороны в теоретической деятельности К.Каутского даже тогда, когда он стоял на позициях марксизма и пытался защищать его от идейных врагов⁷⁷. Что же касается последнего периода его деятельности, то С.М.Брайович, в отличие от Б.А.Айзина и Н.Е.Овчаренко, резко разграничивавших марксистский и немарксистский этапы в жизни и деятельности К.Каутского, отмечает: "В то же время нельзя утверждать, будто все написанное К.Каутским в области теории, в частности материалистического понимания истории, после его политического ренегатства носит явно антимарксистский характер", поскрялку "между политическими взглядами и философскими воззрениями не существует однозначного соответствия"⁷⁸. Несомненно, точка зрения С.М.Брайовича по этому вопросу ближе к истине, чем точка зрения Н.Е.Овчаренко, считающего, что после 1910 г. "К.Каутский как теоретик-марксист окончательно исчезает".

Суров приговор С.М.Брайовича К.Каутскому и как философу. К.Каутский сам признавал: "Философия никогда не была моей сильной стороной. Я предпочитаю не писать о философских вопросах, но, конечно, у меня есть свои философские убеждения, и они те же, что и были: убеждения моих учителей, диалектический материализм"⁷⁹. Но именно диалектический материализм, считает С.М.Брайович, был ахиллесовой пятой К.Каутского. Он не понимал диалектического метода К.Маркса, наряду с верными марксистскими положениями в его сознании и мировоззрении самым причудливым образом переплелись элементы метафизичности, вульгарного материализма и экономического фатализма, натурализма и позитивизма. Он разрывал теорию и практику, мировоззренческую и методологическую функцию марксизма⁸⁰. Отсюда и его ошибки в политических вопросах. Он не делал четкого различия между утопическим и научным социализмом, "на всем мировоззрении его лежит печать исторического скептицизма и пессимизма, сомнения и неверия в способность рабочего класса переделать мир на коммунистических началах"⁸¹.

К.Каутский внес "определенный положительный вклад у развитию марксистской теории наций и национальных отношений"⁸², хотя и здесь его воззрения не были свободны от ошибок. Так, например, он "не разделял наций в эпоху империализма на угнетаемые и угнетенные", он был далек от ленинской постановки вопроса - связать революционную борьбу за социализм с революционной программой в национальном вопросе⁸³. Общий вывод С.М.Брайовича таков: "Различительность, неопределенность, уклончивость в принципиальных вопросах марксистского мировоззрения и методологии, шаткость позиций, которые обнаружались еще в полемике с Берштейном, имели своим конечным результатом переход Каутского с революционного пути на реформистский, отказ от участия в политике и борьбе классов"⁸⁴.

С.М.Брайович - автор главы о К.Каутском и в коллективном труде советских историков и философов "Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX - начале XX века", вышедшей в 1984 г.⁸⁵ Концептуально она повторяет и полностью совпадает с его монографией.

Как видим, советская историческая наука в 50-80-е годы, строго следуя устоявшимся догмам, резко разграничила марксистский и немарксистский периоды в жизни и деятельности К.Каутского, поставив

в центр своих исследований только марксистский этап, связывая все положительное в его жизни и деятельности только с этим этапом. Однако ленинские клише и оценки К.Каутского как "ренегата" и "отступника от марксизма" настолько довели над советскими историками, что они, по существу, через эти клише и оценки рассматривали и марксистский период его деятельности. Отсюда постоянные огорки и выискивание ошибок и слабостей у Каутского-марксиста. Об этом свидетельствуют все выше рассмотренные нами работы.

Что касается второй группы работ, посвященных Каутскому-центристу и центристской идеологии, то в советской историографии этой проблематике посвящены прежде всего две монографии В.М.Чернецовского. Заметим, что в отличие от буржуазных и социал-реформистских авторов, понимавших под термином "каутскианство", как правило, всю систему взглядов К.Каутского как "интеграциониста", советские историки традиционно под "каутскианством" понимали только идеологию центризма, теоретически разработанную Каутским после буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг. в России с целью примирения марксизма с ревизионизмом.

Первая монография В.М.Чернецовского посвящена борьбе В.И.Ленина против каутскианства, главным образом в послеоктябрьский период, когда, как подчеркивается в книге, К.Каутский перешел "по существу на бернштейновские позиции"⁸⁶ и стал "главным представителем буржуазной гнили в международном ревизионизме"⁸⁷. Во второй монографии В.М.Чернецовским рассматривается борьба революционных марксистов против центризма от его возникновения вплоть до осени 1922 г. В соответствии с принятой в то время большинством историков точкой зрения, автор считает, что о центризме как политическом течении в СДПГ можно говорить, начиная с 1906 г., с Мангеймского партийного съезда⁸⁸. Его носителями в 1906-1909 гг. была "влиятельная группа политических практиков, людей так называемой золотой середины, политического болота"⁸⁹. В последующие годы в СДПГ "постепенно возник союз правых и центристов, направленный против революционных марксистов".

Борьба В.И.Ленина во главе революционных марксистов против К.Каутского и каутскианства и в первой, и во второй работе изображена весьма прямолинейно. Акценты расставлены следующим образом: все, что делали левые, соответствовало историческому прогрессу,

все, что делали правые - не соответствовало историческому прогрессу, а, значит, считалось предательством интересов рабочего класса. Однобокость такого подхода к историческому процессу сейчас более чем очевидна. События последних лет, глубокий кризис марксизма и "реального социализма", происходившие в ходе гбрострочных и, ошиссов не только в бывшем Советском Союзе, но и странах Восточной Европы в целом, - все это ставит новые задачи перед историками, в т.ч. и в исследовании идейного наследия К.Каутского. Реформистская тенденция в германском и международном рабочем движении видится ныне, в свете новейшего политического опыта, не такой уж безнадежно-консервативной, в революционная поддается все большей критике и тяжелейшим испытаниям практикой. Но об этом несколько ниже. Пока же констатируем, что вплоть до последнего времени советские историки начисто отказывали каутскианству и его последователям в будь-каком положительном содержании. "Каутский, - утверждает, например, Н.Е.Овчаренко, - не создал нового направления и нового этапа в развитии марксизма. И в этом смысле притязания эллигов⁹⁰ увеличить его некоей "плоской тирой" не имеют никакого основания".

Значительное внимание уделяли до последнего времени изучению воззрений К.Каутского, особенно в контексте изучения истории СДПГ, историки-марксисты ГДР и Польши. Учитывая ограниченные рамки статьи, коснемся здесь только наиболее важных сторон этого вопроса.

Историки-марксисты бывшей ГДР, следуя в основном в фарватере исторических интерпретаций советских историков, в своем отношении к К.Каутскому исходили из тех основных положений, что и советская историография. В обеих работах по истории германского рабочего движения подчеркивалось, что в лучший свой период К.Каутский был "видным пропагандистом и теоретиком марксизма в германском рабочем движении, а после смерти Энгельса и известным теоретиком II Интернационала"⁹¹ и "занимал на рубеже веков в своих работах марксизм и революционную политику германской социал-демократии"⁹². Его произведения способствовали распространению марксизма в германском и международном рабочем движении⁹³. Под руководством К.Каутского журнал "Die Neue Zeit" превратился "в руководящий марксистский журнал II Интернационала". Однако Каутскому всегда не доставало "тесных, непосредственных контактов с рабочими и их проблемами"⁹⁴. После революции 1905-1907 гг. в России он все более эс-

ставил свои "марксистские позиции" и "развивался в главу центристского течения"⁹⁵. Он "не понял сущности марксистской диалектики и недооценивал диалектический материализм как мировоззренческую основу марксизма". В конечном итоге на Каутском лежит значительная вина "за превращение германской социал-демократии из революционной в реформистскую рабочую партию"⁹⁶.

Профессор, академик Хорст Бартель в нескольких публикациях специально рассмотрел роль и место К.Каутского в разработке и интерпретации Эрфуртской программы 1891 г. Он относит их "к непреходящим заслугам Каутского" и считает, что "начало 90-х годов XIX в. - один из лучших периодов в творческой деятельности К.Каутского", т. е. именно "в это время его взгляды и деятельность шли в ногу с развитием революционной социал-демократии и международного рабочего движения"⁹⁷.

Автор отвергает утверждения буржуазных и социал-реформистских историков, будто Каутский вносил марксизм в рабочее движение в искаженной форме, в форме "каутскианства"⁹⁸. "Работа Каутского", - подчеркивает Х.Бартель, - отвечала насущным потребностям своего времени и "выполнила свою задачу"⁹⁹. Историк признает ограниченный характер марксизма К.Каутского, но объясняет это не только и даже не столько его личными качествами, но тем, что "такие вожди партии как А.Бебель, В.Либкнехт, П.Зингер и другие понимали научный коммунизм так же или примерно так же. В этом пункте отчетливо прослеживалась ограниченность в усвоении марксизма германской социал-демократией. Эрфуртская программа точно отражала степень проникновения марксизма в рабочее движение Германии"¹⁰⁰.

Взгляды К.Каутского на аграрный вопрос исследовал Х.Кессель-Барт¹⁰¹. Его вывод сводится к тому, что К.Каутский в борьбе с ревизионизмом отстаивал марксистскую теорию аграрного вопроса и вскрыл несостоятельность главного тезиса ревизионистов о жизнеспособности и даже преимуществах мелкого производства над крупным в сельском хозяйстве. Естественно, время подтвердило не все прогнозы Каутского относительно путей развития сельского хозяйства, но время же и показало, как пишет историк, что "Каутский, несомненно, ошибаясь во многих деталях, но был прав в главном, тогда как ревизионисты были правы во многих деталях, но заблуждались в своей общей концепции"¹⁰². В то же время К.Каутский не смог предложить СДПГ

центристской аграрной программы, выдержанной в духе революционного марксизма, а, значит, и нанести поражение аграрному ревизионизму.¹⁰³

Каутский пришел к ошибочному выводу, что рабочая партия, пока существует капитализм, вообще не может иметь положительной аграрной программы, а значит, и завоевать крестьянство на свою сторону.¹⁰⁴

Анализ теоретических взглядов К.Каутского по вопросам стратегии и тактики борьбы за демократию и социализм был дан в монографии Ламитим. Тщательно проанализировав работу К.Каутского "Путь к власти" /1909 г./, автор приходит к выводу, что "представления Каутского о завоевании власти пролетариатом и ее путях остались неконкретными, противоречивыми и не однозначно марксистскими, поскольку он в конечном итоге не осознал коренной разницы между буржуазной и социалистической демократией и не понял существа диктатуры пролетариата. Взгляды Каутского по вопросу о власти отчасти совпадали с парламентскими иллюзиями буржуазных и мелкобуржуазных демократов о возможности и при капитализме, если существуют демократические условия, участвовать в управлении или оказывать влияние на решения властей с тем, чтобы ослабить бремя капиталистического государства"¹⁰⁵.

Перу А.Ламитим принадлежит и несколько статей, затрагивающих взгляды Каутского. Одна из них специально посвящена проблеме "Кара Каутский и центризм". В этой статье автор подчеркивает, что К.Каутский "не понял сущности империализма и его воздействия на различные классы". Отсюда "мелкой буржуазии и крестьянству он отводил роль только в буржуазно-демократической революции и считал их абсолютно незаинтересованными в социалистической революции, враждебными ей"¹⁰⁶.

Только в 1985 г. в ГДР вышло небольшое монографическое исследование Г.-Д.Менде, посвященное К.Каутскому¹⁰⁷, хотя значение его работы подчеркивалось давно¹⁰⁸. Оно построено на тех же методологических принципах, что и выше анализировавшиеся нами статьи историков ГДР. Автор кратко характеризует развитие К.Каутского и превращение его в "ведущего теоретика II Интернационала"¹⁰⁹ а затем прослеживает его путь "от марксиста до оппортуниста"¹¹⁰. Он считает, что работа Каутского "Путь к власти" была не только "важным моментом в развитии его общественно-теоретических воззрений", но в известной степени и "поворотным пунктом в его политико-иде-

политическом воздействии на социал-демократию". Заключительная часть книги Г.-В. Менде посвящена критике К. Каутского как "ренегата и отступника от марксизма, критика Октябрьской революции и диктатуры пролетариата"¹¹¹.

Как видим, основные выводы и положения марксистской историографии бывшей ГДР о К. Каутском в основном и целом совпадают со взглядами советских историков по данному вопросу.

Что касается польской марксистской историографии о К. Каутском, то она в целом тоже повторяет основные выводы советской историографии, хотя есть и некоторые отличия. Эта тема рассматривается как общих работах польских историков, так и в специальных исследованиях. Еще в конце 50-х годов, в связи с новым изданием книги К. Каутского "Аграрный вопрос" на польском языке в 1958 г., на страницах польской научной периодики вспыхнула дискуссия об оценке этой книги¹¹². В центре дискуссии стоял вопрос, кому принадлежит будущее в сельском хозяйстве - мелкому или крупному производству. Один из участников дискуссии Т. Ковалик свою рецензию на книгу К. Каутского назвал весьма красноречиво: "Талантливая книга, защищающая злое дело"¹¹³.

Взгляды Каутского на капитализм и тенденции его развития детально проанализированы в монографии Зеноны Клаузи-Волосевич¹¹⁴. Автор целую главу посвящает спорам вокруг аграрного вопроса в СДП, излагает точку зрения Э. Давида и точку зрения К. Каутского. Вывод автора сводится к тому, что "концепцию Давида отвергла сама жизнь", тогда как "дальнейшее развитие сельского хозяйства" подтвердило, что "правота была на стороне Каутского"¹¹⁵. Но сумев дать "глубокий и недогматический анализ аккумуляции в сельском хозяйстве", он так и не смог во второй части своей книги /"Аграрного вопроса"/ разработать аграрную программу, которая вышла бы "за рамки традиционных, господствовавших в социал-демократии взглядов"¹¹⁷.

Особого внимания заслуживают работы о К. Каутском польского историка, профессора Ягеллонского университета в Кракове М. Вальденберга. М. Вальденберг долгие и основательно работал над изучением научного наследия К. Каутского как опубликованного, так и хранящегося в архивах. Польский историк имел возможность изучить архивные материалы, хранящиеся в Международном институте социальной истории в Амстердаме, в том числе большое эпистолярное наследие К. Каутского. Все это позволило М. Вальденбергу ввести в научный оборот целый ряд новых материалов, которые раньше мало или вовсе не привлекались и

исследователями.

Уже статья М. Вальденберга "Карл Каутский - "папа марксизма"/От полемики с Э. Бернштейном до полемики с Р. Люксембург/", опубликованная на страницах польского ежеквартальника "2 pola walki" в 1968 г., обратила на себя внимание научной общественности своей солидной архивной базой, обстоятельностью и аргументированностью¹¹⁸. "Оценивая взгляды Каутского, - писал в этой статье польский историк, необходимо прежде всего остерегаться антиисторического подхода, необходимо рассматривать его концепции в развитии, на фоне исторической ситуации, а также основных нужд и проблем тогдашнего рабочего движения"¹¹⁹.

Через два года в издательстве Ягеллонского университета в Кракове вышла монография М. Вальденберга "Политическая мысль К. Каутского в период спора с ревизионизмом /1898-1909/"¹²⁰. Еще через два года выходит его фундаментальная 2-томная работа "Взлет и падение К. Каутского"¹²¹, а в 1976 г. - монография "Каутский"¹²². М. Вальденберг - автор и многих других работ о Каутском.¹²³

М. Вальденберг считает, что вплоть до 1909 г. К. Каутский был "теоретиком революции" и отвергает тезис современной буржуазно-реформистской историографии, будто бы взгляды К. Каутского на революцию были всего лишь "словесным революционизмом"¹²⁴. К. Каутский не приписывал парламенту большого значения /даже в 1909 г./-. Тем не менее, подчеркивает польский историк, К. Каутский понимал значение демократических институтов для освободительной борьбы пролетариата¹²⁵.

Одновременно М. Вальденберг отмечает многие слабые стороны и противоречия у Каутского как теоретика революции¹²⁶. В целом же польский историк считает, что в 1898-1909 гг. у Каутского происходил необратимый процесс радикализации политического мышления, чему способствовали "логика борьбы с ревизионизмом" и "революция 1905 г." Автор высказывает также мысль о том, что боязнь новых репрессий против СДП заставляла ее руководителей и публицистов говорить своеобразным эполетным языком, а посему необходимо улавливать "разницу между взглядами декларированными и действительными"¹²⁸.

Говоря о заметном отличии взглядов основоположников научного коммунизма на союз рабочего класса с крестьянством от взглядов К. Каутского по этому вопросу¹²⁹, М. Вальденберг тем не менее считает, что Каутскому напрасно приписывают "антисоветскую" позицию и отноше-

ние к крестьянству как к "реакционной массе"¹³⁰. "Он,- пишет польский историк о позиции К.Каутского в крестьянском вопросе,- утешал себя и других, что крестьянство представляет собой все уменьшающуюся часть общества.Каутский, бесспорно, способствовал недооценке партиями II Интернационала союза рабочих и крестьян, но в тогдашнем положении, когда крестьянство стран Центральной и Западной Европы проявляло сильные консервативные политические тенденции, провозглашение тезиса, что необходимым условием победы пролетариата является поддержка не только малоземельных, но и среднеземельных слоев крестьянства привели бы к утрате веры в победу или к усилению реформистских тенденций"¹³¹.

А вот и вывод польского историка о причинах перехода К.Каутского на правые позиции. В 1910 г. перед К.Каутским возникла дилемма: то ли продолжать борьбу с реформистами и ревизионистами, которые "все более начинали преобладать во всех основных звеньях структуры рабочего движения", то ли "приспособиться" к ним. Каутский выбрал последнее. "Борьба,- пишет польский историк,- была тождественна потере занимаемого им уже почти 25 лет места официального партийного идеолога и теоретика, которым он исключительно гордился. Он же не привык плыть "против течения"¹³². Это свое видение К.Каутского М.Вальденберг развивает и в главе о К.Каутском, которая вошла в итальянское 4-томное издание "Истории марксизма"¹³³.

Естественно, не все выводы и положения М.Вальденберга в одинаковой степени научно обоснованы и убедительны. Тем не менее нельзя и не признать, что они будоражат мысль и, будем надеяться, послужат толчком для нового прочтения многих страниц богатого идейного наследия К.Каутского.

Подведем некоторые общие итоги.Как видим,подход буржуазной и социал-реформистской историографии, с одной стороны, и марксистской, с другой, к идейно-теоретическому наследию Каутского диаметрально противоположный: то, что клеймится марксистской историографией как "оппортунизм", поднимается на щит буржуазными и социал-реформистскими историками.Одна и другая сторона, в борьбе за идейное наследие К.Каутского, допускала и допускает по сегодня резкие крайности. Время не только не сблизило,но, к сожалению, еще более развело мосты. Буржуазная и социал-реформистская историография, особенно после второй мировой войны, еще более активизировала свои

усилия по выхолащиванию революционной стороны учения К.Каутского. Подгонял теоретические воззрения К.Каутского под теорию "интегрального оппортунизма", представители буржуазной и социал-реформистской историографии переписывают, как мы видели, в духе реформистских идей и революционный период жизни деятельности К.Каутского.

Марксистская же историография, наоборот, сосредоточив главное внимание на том периоде жизни и деятельности ведущего теоретика СИИГ и II Интернационала, когда он стоял на революционных позициях, видела свою главную задачу в том, чтобы разоблачить "оппортунизм" и "предательство" позднего Каутского. Оказавшись в поле противостояния между двумя идейно-враждебными течениями, теоретическое наследие К.Каутского долгие годы служило "источником" правоты как правых, так и левых сил в рабочем движении.Каждая Орда из него то, что соответствовало ее воззрениям и интересам, ее идейным целям и установкам.

Тем временем истина оказалась, как и всегда бывает в подобных случаях, где-то посредине. Каутский никогда не был таким "интегральным оппортунистом", как изображают его правые, но он не был и таким "чистым" революционером, как изображают его левые. Во всяком случае с годами его революционность заметно поубавилась. Во второй период своей жизни и деятельности он все больше склонялся к мысли, что только на путях глубоких демократических преобразований лежит будущее рабочего движения. К.Каутский предупреждал В.И.Ленина, большевиков, что их "диктатура пролетариата", в условиях, когда среди населения не укрепились еще глубоко демократические принципы и традиции, легко может перерасти в "диктатуру партии" - и здесь он оказался прав.

В этой связи представляется крайне важной и первоочередной задачей отечественной историографии заново прочесть и ввести в научный оборот идейно-научное наследие К.Каутского после 1918 года, которое фактически в советской историографии было под запретом. Официальная точка зрения на К.Каутского как "ренегата" и "отступника от марксизма" настолько прочно вошла в плоть и кровь целого поколения советских людей, что,казалось, пробить эти идеологические нормы просто невозможно. Сошлемся здесь только на один пример из личной практики. Когда в 1970 г. в Польше вышла работа польского историка М.Вальденберга "Политическая мысль К.Каутского в

в период спора с ревизионизмом /1898-1909/" - мы ее рассматривали выше, - то втор этих строк, дабы привлечь большее внимание советской научной общественности и к неординарной книге, и к фигуре К. Каутского, решил поместить в журнале "Новая и новейшая история" развернутую на нее рецензию. Рецензия была написана, но так и не появилась в журнале, поскольку партийный чиновник из Старой площади, курировавший журнал, начертил на полях рецензии "Зачем это?"

Сейчас этот вопрос сняла сама жизнь. Представляется, что должны по-новому подойти к большой группе работ К.Каутского, написанных после Октября. Это такие работы как: "Демократия или диктатура" и "Диктатура пролетариата" /обе вышли в 1918 г./, "Терроризм и коммунизм"/1919г./, "Интернационал"/1920 г./, "Прошлое и будущее Интернационала"/1920 г./, "От демократии к государственному рабочему. Спор с Троцким"/1921 г./, "Пролетарская революция и ее программа" /1922 г./, "Интернационал и Советская Россия"/1922 г./, "Большевизм в мешке"/1930 г./, "Коммунизм и социал-демократия"/1932 г./.. Сюда же следует отнести и такой крупнейший труд К.Каутского, явно недооцененный нашей историографией, как "Материалистическое понимание истории" в 2-х томах /1927 г./, второй том которого в значительной степени посвящен обоснованию и защите демократического государства.

Коснемся здесь только общей концептуальной направленности этих работ. Хотя все они так или иначе направлены против В.И.Ленина и большевиков, их теории и практики пролетарской революции, - нельзя сказать, что Каутский, как это несаждалось в официальной историографии, не понимал значения российского Октября или не отдавал должного его творцу - В.И.Ленину. В отличие от некоторых современных "демократов", К.Каутский высоко ценил В.И.Ленина как революционно-теоретика и практика. Узнав о смерти Ленина, Каутский пишет по этому поводу небольшую статью, где отдает должное своему врагу и многолетнему оппоненту. Называя себя "открытым врагом ленинизма", он в то же время подчеркивает, что Ленин - это "величайший гений пролетарской революции", "колоссальная фигура, подобных которой так мало можно отыскать в мировой истории". По Каутскому, Ленин - это "Бисмарк пролетариата", который как и Бисмарк был "мастером дипломатии", понимал "значение вооруженной силы в политике и умел ее беспощадно применить в решающие моменты". Ленин, по Каутскому,

и превосходный тактик. "Так само, как и Бисмарк, - заключал Каутский, - Ленин всегда был готов, если убеждался, что путь, которым он шел не ведет к цели, без будь-каких сомнений принять решение немедленно повернуть, чтобы пойти другим путем. С той самой легкостью, с которой Бисмарк в 1878 г. перешел от свободной торговли к политике протекционистских пошлин, Ленин повернул от чистого коммунизма к ИИЛ,У". Единственным недостатком Ленина Каутский считал "недостаточное знание Запада", хотя тот и "прожил многие годы на Западе в качестве эмигранта"¹³⁴.

Дав высокую оценку В.И.Ленину, К.Каутский вначале приветствовал и победу большевиков в Октябрьской революции, 3 января 1918 г. на гитворке по этому поводу следующее: "Само собой разумеется, мы должны живейшим образом пожелать большевикам успеха, ибо, хотя они и представляют собой лишь одну российскую социализма, тем не менее с их дальнейшей судьбой связано ближайшее будущее русского социализма в его целом и даже русской демократии вообще"¹³⁵. Правда, уже тогда он оговаривал, что это вовсе не значит, что "мы должны без дальнейших рассуждений прославлять большевистские методы", поскольку они могут иметь "пагубные последствия не только для русского, но и всего международного социализма"¹³⁶.

Чем больший экономический хаос и политический беспредел захлестывал Россию после прихода большевиков к власти, тем более последовательным врагом и критиком их становился К.Каутский. Он не верил в зрелость российского пролетариата и считал "социалистический эксперимент" Лениным преждевременным. Россия, по Каутскому, вначале нуждается в демократии и только потом уж в социализме.¹³⁷ Он неустанно повторял, что необразованная масса не способна к творческому труду и созиданию. "Если такие рабочие овладевают властью, - подчеркивал Каутский, - они хотят сразу же положить конец всякой нужде и великим угнетениям. Невежественные, без понятия об экономических законах, они думают, что силой можно всего добиться. Благодаря своему невежеству и неспитности, они при своем горячем желании добиться благосостояния и свободы, делается легкой добычей демагогов, которые из расчета или легкомыслия делают им самые блестящие обещания и т.д. и т.д."¹³⁸.

Он обвинял большевиков в том, что те эксплуатируют именно слабые стороны российского рабочего, этого "инстинктивного революцио-

нера¹³⁹. Именно опираясь на его менталитет, они провели в России экспроприацию, которая означала "исключительный грабёж собственников при одновременном застопоривании процесса производства, что в корне привело к быстрому обнищанию государства". Это был, считал К. Каутский, "простой грабёж имущих, который понятен каждому разбойнику и вору"¹⁴⁰.

Главный тезис К.Каутского состоял в том, что большевистская диктатура пролетариата не имеет ничего общего ни с демократией, ни с социализмом. В понятие "диктатура пролетариата" К.Каутский вкладывал такие компоненты как: 1. власть пролетариата через завоевание парламентского большинства; 2. создание такого социалистического правительства, которое при изменении общественных основ государства обязательно опирается на парламент, где представлены все политические силы; 3. это режим, который не подавляет и не лишает своих граждан основных политических прав и свобод; 4. режим, который готовый периодически признавать выборы на "испытание" правильности своих концепций; 5. режим, который применяет насилие только против тех, кто не готов или не хочет сотрудничать с легальным правительством.

Каутский исходил из того, что "демократия и социализм настолько неотделимы друг от друга, что не может быть одно средством, а другое целью - оба являются средством для достижения одной и той же цели"¹⁴¹. Приход пролетариата к власти возможен только в тех странах, где существуют "зрелые отношения, степень которых определяет не только высота промышленного развития, но и зрелость пролетариата, - только там социализм и возможен"¹⁴². К тому же насилие со стороны пролетариата К.Каутский признавал только как кратковременный "переходный период" между завоеванием пролетариатом политической власти и построением экономических основ социализма. Большевики же, по Каутскому, рассматривали диктатуру пролетариата

не как "исторически кратковременный и переходящий период времени", но как "нормальную замену демократии в период всего перехода от капиталистического к социалистическому производству, то есть на время, которое может длиться десятилетия"¹⁴³.

Большевистский режим К.Каутский считал "диктатурой чистого насилия", "диктатурой партии", а "партия, если она хочет управлять без согласия народа", должна "опираться на штики и палачей"¹⁴⁴. В критике большевизма Каутский не останавливался ни перед чем. Он

може объявлял правление большевиков "худшим, чем гнусный режим Хорна и Венгрии или Муссолини в Италии"¹⁴⁵, считая его "сильнейшим препятствием подъема пролетариата во всем мире"¹⁴⁶.

К.Каутский предупреждал международный пролетариат и его партии не доверяться большевистской пропаганде, в противном случае они превратятся в послушное орудие советской политики. "Сидящее в Москве правление III Интернационала, которое есть только орудие советского правительства и живет только на его денежные субсидии, - говорил он, - чувствует себя благодаря распределяемым им средствам, господством над всеми коммунистическими партиями, так как оно их содержит"¹⁴⁷. Он уже восторженными пророческими словами заканчивал К.Каутский свою книгу о большевиках "От демократии к государственному рабству": "Если большевикам достаточно долго останется у руля и не будет повержен, то мы можем стать свидетелями того, как он, рука об руку с капиталистами Запада, объявит войну борющемуся за свободу пролетариату России. Тогда наступит его окончательное падение"¹⁴⁸.

Сегодня становится все более очевидным, что марксистская историография переоценивала роль революции в общественно-политическом развитии общества и недооценивала роль реформ. Следует однако оговориться, что вплоть до первой мировой войны марксистская тенденция в рабочем движении никогда не противопоставляла революцию реформе и реформу-революции. На подобных позициях стояли как К.Каутский, так и В.И.Ленин. Только после 4 августа 1914 г., когда социал-демократия воюющих стран Западной Европы одобрила военные кредиты своих стран, В.И.Ленин, большевики начинают резко отмежевываться от социал-демократии. Война застала В.И.Ленина в Польше. Н.К.Крупская вспоминала, с каким нетерпением Ленин ожидал прибытия в Польшу немецких социал-демократических газет. Он никак не мог поверить, что крупнейшая партия II Интернационала - СДПГ - тоже проголосовала за военные кредиты, т.е. стала на путь поддержки своего правительства в несправедливой империалистической войне. Когда же Ленин убедился в том, во что он не хотел верить, то воскликнул: "Это конец II Интернационала... С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и став коммунистом"¹⁴⁹.

Только после этого В.И.Ленин начинает разрабатывать свою теорию "оппортунизма" и клеймит позором "предателей", "отступников", "агентов буржуазии", "лакеев" и т.п., т.е. вождей социал-демократи-

ческих партий II Интернационала. Особенного накала борьба между коммунистическим и социал-реформистским крылом в рабочем движении началась в 1918-1920 гг., когда некоторое время после Октябрьской революции казалось, что мировая коммунистическая революция покончит со всем мировым капитализмом. Этот момент, кажется, лучше всего отражена работа В.И. Ленина "Пролетарская революция и ренегат Каутский", цитирования которой мы и начинали нашу статью. "Пролетарская демократия, - утверждал в этой работе Ленин, - в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики" 150.

Только тяжелая болезнь, а затем и смерть Ленина в 1924 г., приход к власти сталинской клики приостановили развитие новых взглядов на социализм в нашей стране. Сталин с самого начала относился отрицательно к социал-демократии, а несколько позже даже выдвинул тезис, что социал-демократия это тот же фашизм.

Все это имело самые тяжелые последствия для развития марксистской мысли в бывшем СССР, впрочем как и в других европейских странах, входивших в состав "социалистического содружества". Советские историки, как и их бывшие "младшие братья" в европейских странах слишком долго эксплуатировали ленинскую теорию "оппортунизма" вырывая ее из контекста ленинского идейного развития и превращая ее в абсолютизм при исследовании истории рабочего движения. В наши дни ошибочность такого "методологического подхода" более чем очевидна.

Отказ от теории "оппортунизма", как и многих других "измов", принадлежат ли они западной, или отечественной историографии, открывает новые перспективы в изучении идейного наследия К. Каутского. В конечном итоге споры вокруг идейного наследия К. Каутского, - это споры о сущности, целях и задачах международного рабочего движения в целом.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., том 37, с. 237, 259; с. 252, 258, 267, 312.
2. Там же, с. 274.
3. Blumenberg W. Karl Kautskys literarisches Werk. 5. - Gravenhage 1960, S. 689.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 104.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 219.
6. Blumenberg W. Op. cit., S. 47-48.

7. Ульянова-Элизарова А.И. Воспоминания об Ильиче. М., 1934. С. 147-148.
8. См. Salvadori Massimo L. Sozialismus und Demokratie. Karl Kautsky. 1880-1938. Übersetzt aus dem italienischen. Stuttgart, 1962, 575 S.; Reiner Kraus. Die Imperialismus debatte zwischen Wladimir Lenin und Karl Kautsky: Eine vergleichende Analyse ihrer Theorien. Frankfurt a.M., 1978, 231 S.; Dick Glary. Karl Kautsky. Manchester University Press (1985); Jukna Cronow. On the Formation of Marxism. Karl Kautsky's Theorie of Capitalism, the Marxism of the Second International and Karl Marx's Critique of Political Economy. Helsinki, 1986 u.a.
9. См. Karl Kautsky zum 70. Geburtstage. Ein Sonderheft der Gesellschaft. Berlin, 1924; Karl Kautsky, der Denker und Kämpfer. Festschrift zu seinem siebenzigsten Geburtstag. Wien, 1924 u.a.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 85.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 104.
12. Там же, с. 242, 244, 252.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 259.
14. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. III.
15. Брайович С.М. Карл Каутский - эволюция его воззрений. М., 1932, 230 с.
16. См. Адамьян П.Г. Каутский в борьбе с материалистическим пониманием истории. М., 1934, 109 с.; Альтер И.М. Демократия против революционизма. М., 1930, 235 с.; Лейкин Э. Каутскианство в теории империализма /из теоретической эволюции с.-д. центра/. - "Под знаменем марксизма", 1926, № 1712; Масин Ф. Новая ревизия материалистического понимания истории: К критике книги Каутского о "Материалистическом понимании истории". М., 1929, 92 с.; Миронов М. Каутский и революция. Свердловск, 1929, 94 с. и др.
17. "Под знаменем марксизма", 1928, № 4, с. 32.
18. Там же.
19. Der Sozialistische Kampf, 1938, № 11, S. X.
20. Korsch E. Marxismus und Philosophie. Leipzig, 1923; Korsch E. Die materialistische Geschichtsauffassung. Leipzig, 1929.
21. Brackschmidt K.-F. Die deutsche Sozialdemokratie bis zum Fall des Sozialistengesetzes. Stuttgart, 1929; Rosenberg A. Geschichte und Sozialismus. Amsterdam, 1938 u.a.

22. SM. Ritter G.-A. Die Arbeiterbewegung im Wilhelminischen Reich. Die Sozialdemokratische Partei und die Freien Gewerkschaften. 1890-1910. (West-)Berlin-Dahlem, 1959. SS. 147, 203-206; Puhle H.J. Politische Arbeiterbewegung in kapitalistischen Industriegesellschaften. Deutschland, USA, Frankreich im 20. Jhrh. Göttingen, 1975, S. 34 u.a.

23. Интерес к работам К.Корша и его последователей со стороны западногерманских историков проявился в том, что в 60-е годы они были переизданы. См. Корш К. *Marxismus und Philosophie*. Hrg. u. eingeleitet von Erich Gerlach. Frankfurt a.M., 1966; Rosenberg A. *Demokratie und Sozialismus. Zur politischen Geschichte der letzten 150. Jahre*. Frankfurt a.M., 1952 u.a.

24. Mattias E. Kautsky und Kautskyanismus. Die Funktion der Ideologie in der deutschen Sozialdemokratie vor dem ersten Weltkrieg. *Marxismusstudien*. 2.F. Tübingen, 1957.

25. Brill H. Karl Kautsky. - "Zeitschrift für Politik", Jrg. IX, 1954, H. 3.

26. Mattias E. Op.cit., S. 157, 1954, H. 3.

27. Ibid., S. 168.

28. Grebing H. Hundert Jahre SPD: zwischen Tradition und Fortschritt. In: "Politische Studien", München, 1963. H. 151, S. 531.

29. Ibid., S. 532.

30. Klönne A. Die deutsche Arbeiterbewegung. Geschichte, Ziele, Wirkungen. Düsseldorf-Köln, (1980), S. 120.

31. Kleine Geschichte der SPD, Bd. 1. Potthof H. Die Sozialdemokratie von den Anfängen bis 1845. Verlag Neue Gesellschaft, 1974, S. 59.

32. Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich. 1871-1918. Göttingen, o.J., S. 88.

33. Steinberg H.-J. Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie. Zur Ideologie der Partei vor dem I. Weltkrieg. Hannover, 2. Aufl., (1969), SS. 9, 48, 59, 89.

34. Holzheuer Werner. Karl Kautskys Werk als Weltanschauung. Beitrag zur Ideologie der Sozialdemokratie vor dem Ersten Weltkrieg. München, 1972, S. 103-105.

35. SM. Salvadori Massimo L. Sozialismus und Demokratie. Karl Kautsky, SS. 368-369, 371.

36. Ibid., S. 53.

37. Ibid., S. 53-54.

38. Ibid., S. 131 ff.

39. Ibid., S. 369.

40. Ibid., S. 374-375.

41. Behorake C.-F. Die grosse Spaltung. Die deutsche Sozialdemokratie von 1905 bis 1917. (West-)Berlin, SS. 39, 21.

42. Steenson G.-F. Karl Kautsky. 1854-1938. Marxism in the Classical Years. Pittsburg, University of Pittsburgh Press, 1978, XII, 308 p.

43. Ibid., p. 4.

44. Ibid., p. 247.

45. Ibid., p. 119.

46. См. рецензия С.Миллер на книгу Г.-П.Стеинсона в центральном органе историков ФРГ журнале "Historische Zeitschrift", 1981, H. 2, Bd. 233, S. 468-470.

47. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В семи томах. Т. 2, М., 1976, с. 300.

48. Там же, с. 395.

49. Там же, с. 454.

50. Там же, с. 536-537.

51. Международное рабочее... Т.3, М., 1978, с. 126.

52. Там же, с. 185.

53. Там же, с. 139.

54. Там же, с. 157.

55. Там же, с. 201.

56. Там же, с. 276.

57. Там же, с. 144.

58. Аязин Б.А. Борьба против ревизионизма в германской социал-демократии в конце XIX в./1896-1899 гг./.- Сб. "Германское рабочее движение в новое время". М., 1962, с. 172.

59. Там же, с. 166.

60. Там же, с. 174-175.

61. Там же, с. 200.

62. Овчаренко Н.Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М., 1975, с. 62.

63. Там же, с. 213.

64. Там же, с. 213-214.

65. Альтер И. Демократия против революции: Учение К.Кавтского о революции. М., 1930, с. 4; См. его же статью в журнале "Под

- знаменем марксизма", 1928, № 4, с. 32.
66. Айзин Б.А. Революционные германские социал-демократы против империализма и войны /1907-1914 гг./ М., 1974, 331 с.
67. Там же, с. 31.
68. Там же, с. 31-32, с. 41.
69. Там же, с. 41.
70. Там же, с. 68.
71. Там же, с. 135.
72. Там же, с. 264.
73. Там же, с. 134.
74. "Ежегодник германской истории" 1981 г. М., 1982, с. 131-145.
75. Там же, с. 144.
76. Брайович С.М. К. Каутский - зволюция его воззрений. М., 1982, с. 26.
77. Там же, сс. 27, 41, 44.
78. Там же, с. 26.
79. Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова в 3-х томах. М., 1978, т. 2, с. 172.
80. Брайович С. Указ. работа, с. 93.
81. Там же, с. 107.
82. Там же, с. 148.
83. Там же, с. 173.
84. Там же, с. 179.
85. См. Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX-начале XX века. М., 1984, с. 33-75.
86. Чернецовский Д.М. Борьба В.И. Ленина против каутскианской ревизионизма марксизма. Лениздат, 1965, с. 48.
87. Там же, с. 50.
88. Чернецовский Д.М. Революционные марксисты против центризма. М., 1983, с. 14.
89. Там же, с. 26.
90. Овчаренко Н.Е. Идеино-политический крах каутскианства и его современные элигоны. // Вопросы истории КПСС, 1986, № 2, с. 118.
91. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I. Berlin, 1966, S. 381.
92. Grundriss der deutschen Geschichte. Klassenkampf-Traditionen Socialismus. Berlin, 1979, S. 320.

93. Grundriss der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1963, S. 67.
94. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Biographisches Lexikon. Berlin, 1970, S. 237.
95. Ibid., S. 238.
96. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 2. Berlin, 1966, S. 109.
97. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Biographisches Lexikon, S. 238-239.
98. Бортель Хорст. Карл Каутский и Эрфуртская программа. - Ежегодник германской истории. 1979. М., 1981, с. 209.
99. Там же, с. 225.
100. Там же, с. 227.
101. Там же, с. 230. См. также послесловие Х. Бортеля к изданию работы К. Каутского "Эрфуртская программа" .- Kautsky K. Das Erfurter Programm. Berlin, 1965, S. 293.
102. Hesselbarth H. Revolutionäre Sozialdemokraten, Opportunisten und die Bauern am Vorabend des Imperialismus. Berlin, 1968, 344 S.
- Hesselbarth H. Der aufkommende Revisionismus in der Bauernfrage und Karl Kautsky. - "Marxismus und deutsche Arbeiterbewegung". Berlin, 1970, S. 331-397.
103. Hesselbarth H. Der aufkommende Revisionismus..., S. 375.
104. Ibid., S. 386.
105. Hesselbarth H. Revolutionäre Sozialdemokraten..., S. 237.
106. Laschitz A. Deutsche Linke im Kampf für eine demokratische Republik. Berlin, 1969, S. 115.
107. Laschitz A. Karl Kautsky und Zentrismus. In: BzG, 1968, H. 5, S. 798-832, 821.
108. Hende Hans-Jürgen. Karl Kautsky - vom Marxisten zum Opportunisten. Studie zur Geschichte des historischen Materialismus. Berlin, 1985, 192 S.

108. CM. Historische Forschungen in der DDR.1970-1980.Analysen und Berichte zum XY.Internationalen Historikerkongress in Bukarest 1980.Berlin, 1980, S. 223.
109. Mende H.-J. Op. cit., S. 21 ff.
110. Ibid., SS. 90, 98.
111. Ibid., S. 129-178.
112. Rzedowski L. Na marginesie kwestii rolnej K.Kautskiego.- "Nowe Drogi", zeszyt 2/1959; Lwaki K. W kwestii oceny poglądów Kautskiego.-"Nowe Drogi", zeszyt 5/1959 i dr.
113. CM. Kowalik T. Wybitna książka w obronie złej sprawy.- "Życie Gospodarsze", N 38/1958.
114. Klusa-Wolosiowicz Zenona. Teoria rozwoju kapitalizmu w dyskusjach socjaldemokracji niemieckiej /lata 1891-1914/. Warszawa, 1963, 322 str.
115. Tam ze, s.tr. 127-170.
116. Tam ze, str. 168.
117. Tam ze, str. 154.
118. Waldenberg Marek.Karol Kautsky - "papier marksizmu" /od polemiki z E.Bernsteinem do polemiki z R.Luksemburg/- "Z pola walki", 1968, N I, str. 39-72.
119. Tam ze, str. 69.
120. Waldenberg M. Myśl polityczna Karola Kautskiego w okresie sporu z rewizjonizmem /1898-1909/. Krakow, 1970.
121. Waldenberg M. Walot i upadek Karola Kautskiego. Studium z historii myśli społecznej i politycznej. Krakow, /1972/, t. I-II.
122. Waldenberg W. Kautsky. Warszawa, 1976.
123. Waldenberg M. Lenin i Kautsky - początki walki. Warszawa, 1967; Waldenberg M. Problem państwa socjalistycznego w myśli marksistowskiej lat 1895-1917. Warszawa, 1967; Waldenberg W. Polemika Rozy Luksemburg z Karolem Kautskym. Warszawa, 1969; Waldenberg M. Myśl Karola Kautskiego w pierwszych latach po zniesieniu ustawy antysojalistycznej. Cz. I /1890-1893/. Krakow, 1971; Waldenberg M. Poglądy Karola Kautskiego w okresie między zniesieniem ustawy antysojalistycznej a początkiem rewizjonizmu. Cz.2. Krakow, 1976;

- Waldenberg M. Prekursorzy Nowej Lewicy: studia a myśli społecznej XIX i XX wieku. Krakow, 1985.
124. Waldenberg M. Myśl polityczna..., str. 183.
125. Tam ze, str. 153.
126. Tam ze, str. 156, 157-158, 169-170.
127. Tam ze, str. 177.
128. Tam ze, str. 35.
129. Waldenberg M. Walot i upadek Karola Kautskiego..., t. II, str. 634.
130. Tam ze, str. 633.
131. Tam ze, str. 634.
132. Tam ze, str. 641-642.
133. Storia del Marxismo, vol. I-IV. Torino, 1978-1982.
134. Kautsky K. Ein Brief über Lenin. In: "Der Kampf", 17/1924/, S. 176-179.
135. CM. Кавтский К. Демократия и диктатура. Харьков, 1918, с. 3.
136. Там же, с. 3-4.
137. CM. Kautsky K. Die Aussichten der russischen Revolution.- "Die Neue Zeit", 35/1916/1917, Bd. II, S. 9-11.
138. Kautsky K. Die proletarische Revolution und ihr Programm. Berlin, 1922, S. 22.
139. Кавтский К. Американский и русский рабочий. Спб., 1906, с. 33.
140. Kautsky K. Die Internationale und Sowjet-Russland. Berlin, 1925, SS. 23, 9.
141. Kautsky K. Demokratie oder Diktatur. Berlin, 1918, S. 10.
142. Ibid., S. 17.
143. Ibid., S. 35.
144. Ibid., S. 7.
145. Kautsky K. Die Internationale und Sowjet-Russland. Berlin, 1925, S. 11.
146. Ibidem.
147. Ibid., S. 19.
148. Kautsky K. Von der Demokratie zur Staatsklaverel. Eine Auseinandersetzung mit Trozki. Berlin, 1921, S. 128.

149. Воспоминания о Ленине, ч. I. М., 1956, с. 454.

150. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 257.

Г.В. Павленко

К. ЛИБКНЕХТ И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ

"Отличившийся на каждом горе, готовый ринуться в бой всюду и всегда, где он встречал проявление насилия или несправедливости, Карл Либкнехт был не только вождем, но и другом, товарищем, своим человеком среди рабочих. Сколько неоценимых услуг оказывал Либкнехт русским товарищам, когда им приходилось бежать через Германию, спасаясь от преследований паризма! У Либкнехта было истинно интернациональное сердце: он не знал разницы между немцами, французами, русскими. Раз вы - товарищ - значит партия должна идти вам навстречу, помогая вам, заботясь о вас... И первый, кто хлопотал о каждом чужеземном товарище, очутившемся на земле, где царили Гогенцоллерны, где порядки мало чем отличались от старого режима в России, - это был Карл Либкнехт".

А.М. Коллонтай. Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 260-261

В конце 1991 г. в Токио состоялась международная конференция, посвященная научному наследию Р. Люксембург и его роли и месту применительно к современному быстро меняющемуся миру и будущему человечества. В ней приняли участие ученые Австрии, Германии, Греции, Китая, Польши, бывшего СССР, Швейцарии, Южной Кореи и, естественно, Японии. Только с японской стороны в конференции приняло участие более 30 профессоров ряда японских университетов. Участники конференции пришли к выводу "о большой актуальности многих компонентов наследия Р. Люксембург для осмысления современных процессов развития и решения актуальных задач не только настоящего, но и будущего".¹

Все вышесказанное о Р. Люксембург в полной мере относится и к ее соратнику и единомышленнику по революционной борьбе в германском и международном рабочем движении - Карлу Либкнехту. В